

АЛЬБЕРТ КОНСТАНТИНОВИЧ ГОЛИКОВ

кандидат философских наук, доцент
(Санкт-Петербург),профессор кафедры политологии
Балтийского государственного технического университета
«ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова

ЛИЧНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Г.В. ПЛЕХАНОВА

Современные споры о том, имеют ли идеи марксистского социализма какую-либо значимость для будущей России, ставят перед учеными актуальную задачу нового, объективного прочтения и реконструкции социально-философских и политических взглядов русских мыслителей-марксистов на основополагающие духовные ценности, коими являются личность, государство, политическая власть.

Как известно, в начале 80-х гг. XIX в. произошел идеяный и организационный кризис народничества. Русские интеллигенты-эмигранты П.Б. Аксельрод, В.И. Засулич, Л.Г. Дейч, В.Н. Игнатьев во главе с Г.В. Плехановым в 1883 г. в Женеве основали первую российскую марксистскую организацию – группу «Освобождение труда». Они объявили о своем разрыве со старыми и новыми народническими теориями и о присоединении к теории научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса. Так родился русский марксизм.

Чтобы понять теоретическую сущность марксистской позиции на русской почве по вопросам политической власти, государства и личности, обратимся к идеям Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918) – основателя первой российской марксистской организации, первому теоретику русского марксизма. За двадцатилетие своей наиболее плодотворной деятельности (1883–1903) Плеханов создал множество произведений: «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885), «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Огюстен Тьеरри и материалистическое понимание истории» (1895), «Очерки по истории материализма» (1896), «О материалистическом понимании истории» (1897), «К вопросу о роли личности в истории» (1898), статьи о воззрениях Э. Бернштейна, П. Струве и другие.

В этих работах значительное место уделяется философско-политической тематике. Плеханов использовал марксистскую методологию в решении и таких конкретных социально-философских и политических проблем, как роль идей в жизни общества, взаимодействие форм общественного сознания и их специфические закономерности, роль личности в истории, диалектика свободы и необходимости, преемственность в истории философии и общественной мысли, революционный характер переворота, совершенного Марксом и Энгельсом в философии, отношение марксизма к наследию в области философии и всей общественной мысли и др.

В своих работах «Социализм и политическая борьба» (1883) и «Наши разногласия» (1885) Г.В. Плеханов подверг критике учения, на которых основывали свою деятельность революционеры-народники, развил основные принципы социал-демократизма, поставил основные задачи распространения марксизма в России.

Он критиковал народников за постановку вопроса: может или нет развиваться капитализм в России (в условиях, когда он уже фактически вступил в свою необратимую фазу развития); во-вторых, за представление, согласно которому появление пролетариата в России рассматривалось как «историческое несчастье», и, соответственно, за отвержение идеи о том, что пролетариат может играть передовую роль в революционной борьбе вследствие его малочисленности в преобладающей массе крестьянства; в третьих, за идеалистический взгляд народников на проблему «героев и толпы», в сущности, принижающий роль народных масс в общественном развитии; в четвертых, за полное игнорирование соединения теории социализма с классово-политической борьбой.

Г.В. Плеханов первый в России с позиции диалектики соотношения субъективных факторов и объективных условий выступил против анархистов, бланкистов, народовольцев. В ответ на обвинение народниками его концепции в фатализме, которая будто бы «обязывает» Россию следовать капитализму, не считаясь с особенностями ее исторического развития (преобладание крестьянства, остатки сельской общины и т. д.), Плеханов приводил следующие аргументы: «за капитализм вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и в свою очередь именно они определяют направление и скорость его движения... Все непонятные законы общественного развития действуют с неотразимою силой и слепою жестокостью законов природы. Но узнать тот или другой закон природы или общественного развития значит, во-первых, уметь избегать столкновения с ним, а следовательно, и напрасной траты сил, а во-вторых, – быть в состоянии регулировать его приложение так, чтобы извлечь из него пользу»¹. Подлинные социалисты, по мысли Плеханова, ставшие на позиции научной теории К. Маркса и Ф. Энгельса, овладевшие их научно-философской методологией – диалектикой, убедились в «исторической закономерности» капитализма в России, в том, что «никакие исторические особенности данной страны не избавляют ее от действия общих социологических законов»². Однако само познание действия социальных законов должно сочетаться с умением не только их толковать, но и использовать, т.е. исходя из понимания диалектики свободы и необходимости находить их выгодную комбинацию, в закономерных тенденциях общественного развития усматривать источники революционных изменений. Иными словами, познанные передовыми идеологами объективные социальные законы не могут быть измененыими же, ибо сколько-нибудь существенное изменение общественной жизни может быть результатом закономерной деятельности самих масс.

В спорах с Л. Тихомировым, Н. Михайловским, рассуждая о злоупотреблениях субъективным мето-

Документ
26 1782 к

дом в социологии, Плеханов неоднократно подчеркивал, что русские общественные деятели, часто споря с историей и рассуждая о непреодолимой силе ее логики, никогда не могли правильно понять сущности самоограничения свободы личности, отличить желаемое от необходимого. «Для нас, — утверждал он, — желательное вырастает из необходимого и ни в каком случае не заменяет его в наших рассуждениях. Для нас свобода личности заключается в знании законов природы, — т.е., между прочим, и истории, — и в умении подчиняться этим законам, т.е., между прочим, и комбинировать их наивыгоднейшим образом». Обращаясь к суждениям классиков марксизма об объективном характере действия законы общественного развития, Плеханов писал: «Когда общество ступило на след естественного закона своего движения, оно не может ни перескочить естественные фазы своего развития, ни устранить их декретами... но оно может сократить и облегчить мучения родов. В этом сокращении и облегчении мучений родов и состоит, по нашему мнению, одна из важнейших задач социалистов, убедившихся "в исторической неизбежности капитализма в России"»³. Поэтому на вопрос: пройдет ли Россия через школу капитализма, он без колебания отвечал новым вопросом — «почему же бы ей и не окончить той школы, в которую она уже поступила? Главный поток русского капитализма пока еще невелик; еще не много таких мест в России», однако, подчеркивал он, «его уже нельзя остановить, еще менее можно его высушить; остается лишь регулировать его течение, если мы не хотим, чтобы он принес нам один только вред, если мы не отказываемся от надежды хотя отчасти подчинить стихийную силу природы разумной деятельности человека»⁴.

Так Плеханов ставил вопрос о соотношении и взаимодействии субъективного и объективного факторов. Он следовал важнейшему положению материалистического понимания истории, что историю делают люди, народ, классы и что только через деятельность и борьбу совершаются изменения как в области экономики, так и в области надстройки. Определенная степень зрелости экономических и социальных отношений обуславливает активность и действенность субъективного фактора, который, в свою очередь, воздействует своими различными сторонами на развитие и изменение объективных, в том числе экономических, условий жизни. «Субъективный фактор» как категория отражает помыслы и чувства, побудительные мотивы активной общественной деятельности реальных личностей. В основе всех объективных и субъективных процессов, в конечном счете, лежат объективные экономические отношения.

На базе этого марксистского положения Плеханов развивал концепцию об объективном характере действия законов общественного развития, их познания и использования в общественной практике и о роли личности в истории, применяя ее к российским условиям. В самом обобщенном смысле она означает умение брать законы в едином комплексе, во взаимосвязи друг с другом и «комбинировать их наивыгоднейшим образом»; умение управлять законами в рамках их объективных требований, обладать искусством разрешения противоречий в самой сущности общественных связей и отношений; умение предвидеть заранее более отдаленные последствия всей совокупности целенаправленных действий. Эти идеи в 70–80-х гг. XX столетия становятся одним из важных научных направлений в советском обществознании — познание механизма действия и использование законов общественного развития (В.П. Тугаринов, С.И. Гончарук, Г.Е. Глезерман, А.К. Бельых, М.А. Ва-

сипик, И.Д. Ермолаев, Д.П. Зеркин и др.). Познание механизма действия и использования социальных законов, соотношения сознательного и стихийного, объективного и субъективного, личностного и государственного не утратило своей актуальности и для современной системы общественного и государственного управления в экономической, социальной, политической, духовной сферах общества. «Регулировать течение капитализма», коль уже социализм вытеснен, а не подчиняться его стихийным силам — мысль очень актуальная не только для России конца XIX в., но и конца XX и начала XXI в., которую не могли понять ни народники, ни современные российские «реформаторы». История их ничему не научила. Правда, создается впечатление, что они ее и не изучали. Китайцы, например, изучили и сумели спрятаться со стихией рынка, подчинить ее своим национальным, государственным интересам.

На основе материалистического понимания истории, согласно которому ни один великий шаг в истории не может совершиться без участия масс и личностей, Плеханов развивал марксистское учение о решающей роли народных масс в истории, критиковал в связи с этим народническую концепцию роли личности в историческом процессе. Подчеркивая решающее значение народных масс в политической борьбе на Западе, он указывал, что и в России путь прогресса необходимо связать с борьбой народных масс против самодержавия. В этом процессе борьбы не отдельные герои, а массы, классы играют решающую роль в социальном переустройстве России. Героем истории является народ. Его деятельность и энергия инициируют социальные и политические перевороты в истории. «История, — писал он, — показывает, что грубые руки народа нужны также и для захвата политической свободы. Это неоспоримый вывод»⁵.

В работе «К вопросу о роли личности в истории» Плеханов раскрывает значение, силу и границы влияния личности политического лидера на ход исторических событий. Согласно его концепции, политический лидер не может изменить ход истории коренным образом, отменить объективную закономерность. Но как умелый и талантливый политик он способен ускорить развитие страны, придать политическим событиям особые, неповторимо своеобразные черты. «Великий человек, — отмечал он, — великий не тем, что его личные особенности придают индивидуальную физиономию великим историческим событиям, а тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени, возникшим под влиянием общих и особых причин. Великий человек является именно начинателем, потому что он видит дальше других и хочет сильнее других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он вызывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он — герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом — все его значение, в этом — вся его сила. Но это — колоссальное значение, страшная сила»⁶.

На вопрос, оправданы ли в современных экономических условиях России программы народников на захват политической власти, Плеханов отвечал отрицательно. Необходимо, считал он, проводить строгое различие между сословным сознанием и классо-

сами, поясняя на многочисленных примерах заблуждения вождей народовольцев. Их попытки в новых экономических условиях (в стране, ставшей объективно и бесповоротно на путь капиталистического развития) «отвоевать экономическое равенство», воспитать в народе «ненависть к привилегированным сословиям», правительству показывают, как далека в своем понимании действительного положения в стране «Народная воля».

По его мнению, вожди-народовольцы с позиции бунтарского миросозерцания, не соответствующего современному соотношению экономических и политических факторов, в условиях, порождающих «невежество и индифферентизм масс», когда «в самих производителях нет еще ни стремления, ни способа к социальной организации», ставят целью волюнтаристскими методами произвести захват власти и осуществить социальные преобразования в России, думая, «что стоит только захватить власть и народ немедленно усвоит социалистические формы общежития», полагая, что «освобождение данного класса может быть его собственным делом». По существу, считал Плеханов, это бланкистский путь, путь бесперспективный, даже при успешном захвате власти.

«Освобождение данного класса может быть его собственным делом лишь в том случае, когда в нем самом является самостоятельное движение во имя своей эманципации», но такая объективная логика общественных отношений еще не сложились в России, хотя и имеет для этого свои предпосылки в условиях развития капитализма. И если программы анархистов, бланкистов, народовольцев исходят из достаточности только субъективной логики общественных отношений, то они «страдают слишком заметным идеализмом», субъективизмом и абстрактностью. Подлинные социалисты, ставшие на марксистские позиции, овладевшие научно-философской методологией – диалектикой, убедились в «исторической закономерности» капитализма в России, в том, что «никакие исторические особенности данной страны не избавляют ее от действия общих социологических законов». Тем самым они оказываются действительную теоретическую поддержку рабочему классу, который в России в послереформенную эпоху превращается в один из основных классов общества, постепенно становясь реальной силой социального преобразования страны.

Плеханов отвергал народническое положение о «захвате власти кучкой заговорщиков» и марксистское положение о завоевании политической власти пролетариатом противопоставлял бланкистскому лозунгу «диктатуры меньшинства». Он придерживался марксистского учения о «диктатуре пролетариата» как учения о политической власти рабочего класса, необходимого для руководства установления его классового господства, поскольку «всегда и везде политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс совершил общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития»⁷. «Диктатура рабочего класса», поясняет Плеханов, это могучее орудие государственной власти достигшего политического господства революционного класса, который, как небо от земли, отличается от диктатуры группы революционеров-заговорщиков. Ее основные задачи: во-первых, разрушение политического господства непроизводительных классов общества; во-вторых, устранение существующей архии производства; в-третьих, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни⁸.

Таким образом, на основе марксистского учения Плеханов впервые в русской литературе поставил вопрос о диктатуре рабочего класса и ее задачах. С позиции диалектики взаимоотношения экономического базиса и надстройки, экономической и политической сторон общественно-исторического процесса он показал активную роль политической надстройки, которая, будучи порожденной, в конечном счете, экономическими отношениями, сама становится важнейшим средством их изменения. Вследствие этого встал вопрос об осознании рабочими своей классовой сущности, необходимости завоевания государственной власти и установления диктатуры рабочего класса, а также вопрос о роли политической борьбы пролетариата в буржуазном обществе. Классовая борьба, замечал Плеханов, «становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбою политической»⁹.

В противоположность старым народникам и поздним экономистам, признававшим только борьбу экономическую, Плеханов доказывал, что борьба за освобождение рабочего класса, которая должна быть вместе с тем освобождением человечества, возможна только на почве социал-демократического учения и в форме борьбы политической. С этой целью необходимо решить одну из важнейших политических задач – создание организации рабочей социалистической партии, без которой не может быть совершен социальный переворот. К настоящему времени, по мнению Плеханова, в России еще не сложились объективные условия для социалистической революции. Поэтому целью русских социалистов может быть теперь (писал он в 1895 г.) только завоевание свободных политических учреждений... и выработка политической программы, по крайней мере, элементов для создания такой партии в будущем». В ее программе могли быть выставлены требования демократической конституции, обеспечивающей рабочим «права гражданина» и активное участие в делах политической жизни на основе всеобщего избирательного права. «Не пугая никого далеким пока «красным призраком», такая политическая программа, – по предположению Плеханова, – вызывала бы к нашей революционной партии сочувствие всех, не принадлежащих к систематическим противникам демократии; вместе с социалистами под ней могли бы подписать очень многие представители нашего либерализма»¹⁰. Именно такими программными мерами Плеханов рассчитывал на союз с либералами, во всяком случае, на активную поддержку их определенной части, а программа стала бы «делом всего русского общества» и «усилила сознательное стремление к политическому освобождению». Он хорошо понимал тактику либералов – таскать каштаны из огня чужими руками, о чем свидетельствует западноевропейский и российский опыт использования ими революционных сил в своих целях достижения власти, однако считал их интеллектуальной силой освободительного движения, у которой есть чему поучиться и рабочему классу.

Не снимая вопроса применения тактики террора в революционном освободительном движении, Плеханов, в отличие от народников, вносил в этот вопрос существенные корректировки. Он противник того, чтобы «тайные питомники для разведения террористов из рабочей среды». По его мнению, эту деятельность могли бы взять на себя другие слои населения. Во-первых, считал он, террор только разрушает силы правительства, очень мало способствуя сознательной организации сил его противников. Во-вторых, он не расширяет сферы революционного движения, а

сводит его к героическим действиям небольших партизанских кучек.

Идейная основа партии – марксизм как целостное мироцентрическое, органично включающее экономическое, философское и политическое учения, способное привлечь к движению новые, почти не затронутые социальные спои и «обойти подводные камни гибельных односторонностей»¹¹. Большое значение Плеханов придавал общефилософской концепции марксизма, имеющей, по его мнению, международный характер и вполне применимой к общественным отношениям в России. «Общие философско-исторические взгляды Маркса, – писал он, – имеют равно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества...»¹².

Очень сложные вопросы, каким будет будущее социалистическое общество и его государственность; как коллективистское начало будет соотноситься с личностным. Представители индивидуалистических теорий (некоторые либералы, либеральные народники), считая несовместимыми эти два начала (личностное и коллективистское), критиковали марксистов за попрание личности при социализме.

В теоретической аргументации этого вопроса Плеханов следует Марксу. Маркс начинает с того, что отвергает исходную посылку всех индивидуалистических теорий с их идеей абсолютной онтологической противоположности «Я» и «Общества». И безличное общество и абсолютно уникальное «Я-в-себе» – это «фиксии определенным образом ориентированного сознания». Подобно Гегелю, который не ограничивает индивидуальность сущностью «в-себе» и «для-себя», а выводит ее из «раковины» собственной индивидуальности в тотальность объективного духа, синтезируя в человеке его индивидуально-общественную сущность, Маркс, следуя его методу, понимает индивидуальное «я» как деятельное, социально активное в его единстве с коллективным, общественным «мы», ибо, писал он, «то, что я делаю из моей особы, я делаю из себя для общества, сознавая себя как общественное существо»¹³. Поскольку всякое человеческое общество, какова бы ни была его форма, есть «продукт взаимодействия людей»¹⁴, поскольку «именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало – и повседневно воссоздает – существующие отношения»¹⁵. При этом, по Марксу, индивидуальное вовсе не погашается, не поглощается коллективным, не подавляется им, теряя свою свободу, оно лишь предполагает преодоление индивидуализма как установки на разобщение людей. Человек «свобден не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность...»¹⁶.

С позиций марксизма реальный гуманизм предполагает прежде всего осознание индивидом своего общественного положения, своей социально-классовой принадлежности, развитое классовое самосознание, включая сознательное ценностное отношение к действительности. Классовое самосознание – важнейшее социальное измерение «Я», но ориентированное на изменение общества, пролетарское классовое самосознание неизбежно должно быть колективистским. Именно с этой позиции рассуждал Плеханов, «отвечая на упреки» либералов, либеральных народников, обличавших антиперсонализм марксистов, сужение ими нравственно-духовной жизни личности, превозношение колективистских интересов. «Развитие личности как характера, –

писал он, – прямо пропорционально развитию в ней самостоятельности, т.е. способности твердо стоять на своих собственных ногах». Поэтому, чем сильнее становится в рабочем недовольство зависимостью от эксплуататора-капиталиста, тем сильнее укрепляется в нем сознание того, что ему необходимо действовать согласно с другими рабочими, возбуждая во всей их массе чувство солидарности. «Его тяготение к массе прямо пропорционально его стремлению к независимости, его сознанию собственного достоинства, словом – развитию его индивидуальности»¹⁷.

Плеханов, как и Маркс, противник грубого коммунизма, социализма. Сложное, цивилизованное общество не может быть построено на основе примитивных, односторонних духовных и материальных потребностей людей, всесторонне развитая, высоконравственная личность не может существовать и развиваться в примитивной и не дифференцированной социальной среде. Выступая против несвоевременного свершения социалистической революции, захвата власти, он считал, что Россия должна прежде пройти через длительный этап культурно-организационных форм в условиях буржуазно-демократического устройства, с его конституционной демократией. Эта позиция впоследствии вступила в противоречие с позицией Ленина, считавшего возможным при использовании пролетарской власти (т.е. в условиях диктатуры пролетариата) провести культурно-организационные преобразования путем сравнительно кратким.

Интересны рассуждения Плеханова по вопросу, с чем встретится новая власть в случае победоносной революции и какие последствия следует ожидать от ее руководства. Он выдвинул следующие предположения: во-первых, придется столкнуться с проблемой «лояльности новой чиновничьей социалистической касты», с отсутствием гарантий, что она не пожелает воспользоваться захваченной властью для целей далеких от идеалов социализма», во-вторых, при отсутствии экономических знаний и практики, умения организовать национальное производство можно лишь сформировать грубый, уравнительный, «патриархальный, авторитарный коммунизм», нивелирующий индивидуально-личностные особенности. Опасения Плеханова, как показал опыт становления СССР в XX в., оказались слабо связанными с действительными проблемами строительства социализма в условиях geopolитического противостояния с капиталистическим миром.

В центре внимания Плеханова была также и аксиологическая проблема обусловленности политики, политических действий этикой. Хотя это особая тема, однако обратим внимание на ряд моментов. Политика без морали, считал он, – это преступление. Человек, наделенный властью, или политик, обладающий большим авторитетом, в своей деятельности должен руководствоваться прежде всего общечеловеческими моральными принципами, ибо беспринципные законы, аморальные призывы и лозунги могут обернуться огромной трагедией для страны и ее народа.

Он исследовал происхождение нравственности и пришел к выводу, что нравственные понятия людей не абсолютны, что они изменяются вместе с изменением экономических и социальных отношений в обществе. «Нравственное развитие человечества, – писал он, – следует шаг за шагом за экономической необходимостью; оно точно приспособливается к реальным потребностям общества. В этом смысле можно и должно сказать, что интерес есть основа нравственности»¹⁸. В своих рассуждениях о морали Плеханов пришел к заключению, что, во-первых,

раль непосредственно связана с возникновением общественно-экономических отношений, во-вторых, связь морали с религией возникает позже, в-третьих, в антагонистическом обществе мораль приобретает классовый характер и, в-четвертых, нормы морали в своем историческом развитии оказываются связанными своим основанием через промежуточные звенья общественных отношений. Иными словами, Плеханов, указывая на объективный характер связи норм морали с системой общественных отношений, приходит к выводу: независимо, к какой системе общественных отношений (буржуазной или социалистической) принадлежит тот или иной господствующий класс, его политика должна созреть в цивилизованную, лично-общественную, гуманистическую форму, т.е. руководствуется общечеловеческими моральными принципами.

Итак, в понимании отношения политики и морали Плеханов оказался более марксистом, чем сам Маркс, ибо точка зрения морали для него не самодостаточна, мораль для него дериват экономики и политики. Исходя из таких моральных принципов, вполне объясним факт принятия им Февральской буржуазно-демократической революции (поддержка Временного правительства) и не признание Октябрьской социалистической революции как несвоевременной, не готовой породить на базе общечеловеческих моральных принципов цивилизованную форму государственной власти. В своем письме к петроградским рабочим по поводу несвоевременного захвата власти большевиками Плеханов писал: «Для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов. Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершил социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года»¹⁹. Эти мысли Плеханова, как показала практика, в условиях полного разложения государственности были

ошибочны в идейном, организационном, государственническом и пр. отношениях. Мысли в защиту Февральской революции и против Октябрьской революции по существу носили исторический и утилитарный характер, как и его теория пути к власти. Однако следует заметить, что внутренне Плеханов понимал позицию большевиков о неизбежности применения мер по разгону Учредительного собрания, утвердившую власть большевиков в октябре 1917 г. Еще в 1903 г. на II съезде РСДРП он высказал мысль, что «пролетариат в революции отнимет при надобности избирательное право у капиталистов, разгонит какой угодно парламент, если он окажется контрреволюционным». В 1918 г. В.М. Чернов, ведущий theoretik партии эсеров, обвинил Плеханова в том, что большевики претворили в жизнь его высказывание. На что Плеханов ответил: «Очень наивно думать, будто влияние речи, произнесенной мною на нашем съезде 1903 г., побудило большевиков запереть двери Таврического дворца после первого же заседания собравшихся в нем депутатов. Разгон нашего Учредительного собрания подсказан был им не внутренней логикой тактики, освобожденной от безусловных принципов. Он подсказан был им внутренней логикой политического действия, свершенного мною в конце октября»²⁰.

Г.В. Плеханов, безусловно, не мог многое предсказать в развитии будущего социализма и его государственности. Однако в памяти поколений он останется великим русским мыслителем, сторонником научного социализма, гуманистом-социалистом. Высокую оценку деятельности Г.В. Плеханова дает даже такой далекий от марксизма философ, как В.В. Зеньковский. По его мнению, будучи правомерным последователем марксизма, Плеханов «всегда оставался все же внутренне свободным. Большой литературный талант, тонкое критическое чутье делали Плеханова живым и интересным писателем, в котором верность марксизму никогда не заглушала ни подлинного морального благородства, ни интереса к истине и к ее прогрессу»²¹.

¹ Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1948. С. 299, 300.

² Там же. С. 304.

³ Там же. С. 111.

⁴ Там же. С. 299.

⁵ См.: Литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1940. Сб. 4. С. 93.

⁶ Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории. М., 1938. С. 38.

⁷ Он же. Избранные философские произведения: В 5 т. Т. 1. С. 76.

⁸ Он же. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. С. 68.

⁹ Он же. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 83.

¹⁰ Он же. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. С. 75.

¹¹ Там же. С. 102.

¹² Там же. С. 32.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 118.

¹⁴ Там же. Т. 27. С. 402.

¹⁵ Там же. Т. 3. С. 440.

¹⁶ Там же. Т. 2. С. 145.

¹⁷ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 510, 511.

¹⁸ Там же. Т. 2. С. 51.

¹⁹ Вопр. истории. 1989. № 12. С. 104–105.

²⁰ Цит.: Рубинштейн Н.К. К истории Учредительного собрания в России // Историк-марксист. 1928. № 10. С. 69.

²¹ Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Т. 2. Ч. 2. С. 40–41.1 Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1948. С. 299, 300.